

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ОТДАННАЯ ВРАГУ

НЕНУЖНАЯ ДОЧЬ
ДРАКОНЬЕГО РОДА

Лилия Тимолаева

**Отданная врагу. Ненужная
дочь драконьего рода**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Отданная врагу. Ненужная дочь драконьего рода /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Младшая сестра подделала подпись Ивены. Отец узнал правду — и всё равно назвал виновной старшую дочь. Потому что любимую Лисель нельзя потерять. А Ивену — можно. Так Ивена Ардаль оказывается на Севере, во владениях Эйдара Торвальда — дракона и врага её рода. По договору она должна отработать долг за уничтоженный караван и помочь восстановить северные оранжереи. Ивена ждёт наказания. Эйдар предлагает честный договор. Она готовится к приказам. Он требует от неё не покорности, а решений. Дома Ивену ценили, пока она была полезна. На Севере её впервые начинают видеть человеком, который имеет право выбирать. Но чем прочнее становится её место среди тех, кого она должна была считать врагами, тем опаснее возвращение прошлого. Потому что семья, однажды расплатившаяся Ивенной, ещё не закончила решать её судьбу. А рядом оказывается мужчина, который упрямо отказывается решать за неё. Что делать ненужной дочери драконьего рода, если именно во вражеских землях она впервые становится нужной — самой себе?

Содержание

Глава 1. Дочь, которой можно пожертвовать	5
Глава 2. Враг не просил невесту	26
Глава 3. Земля, которая никому не нужна	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1. Дочь, которой можно пожертвовать

— Приказ об уничтожении северного каравана отдала Ивена Ардаль.

Отец произнёс её имя спокойно, тем же голосом, каким за завтраком распоряжался открыть восточные амбары или отправить десяток работников на виноградники. Ни запинки, ни заметного усилия. Только лежащая на столе ладонь чуть сильнее прижала край документа с гербом их рода.

Ивена смотрела на него через длинный стол совета и несколько мгновений не могла понять смысл услышанного.

За окнами кабинета начинался дождь. Тяжёлые капли ударили по цветным стёклам, и красные драконы, изображённые на витражах, словно вздрагивали от каждого порыва ветра. В камине потрескивали поленья. Пахло мокрой шерстью плащей, древесным дымом и воском от свечей, зажжённых раньше обычного из-за потемневшего неба.

Всё вокруг оставалось знакомым.

Кресло деда у дальней стены. Карта владений Ардалей, на которой Ивена ещё весной собственноручно отмечала поля под озимые. Серебряная чернильница возле правой руки отца. Песочные часы на каминной полке.

Только её место в этом доме внезапно изменилось.

— Что ты сказал?

Орвен Ардаль поднял глаза.

Ему исполнилось пятьдесят три, и возраст почти не тронул его. Высокий, прямой, с густыми тёмными волосами, в которых серебро появилось лишь на висках, он производил впечатление человека, привыкшего принимать решения раньше, чем остальные успевали сформулировать вопрос. На официальном камзоле поблёскивала золотая застёжка в форме драконьего крыла.

Ивена видела эту застёжку сотни раз.

Сегодня ей впервые захотелось сорвать её.

— Ты прекрасно слышала, — ответил отец.

— Слышала. Поэтому и спрашиваю.

Слева от него сидела Лисель.

Младшая сестра пришла на семейный совет в жемчужно-сером платье, которое подчёркивало её светлые волосы и фарфоровую кожу. На запястье поблёскивал браслет, подаренный женихом две недели назад. Лисель обычно любила вертеть его, когда разговор становился скучным. Сейчас её пальцы лежали на коленях, переплетённые так тесно, что побелели костяшки.

Она не смотрела на Ивену.

Этого оказалось достаточно.

В груди стало тесно.

Ивена перевела взгляд на мужчину, стоявшего у окна.

Северный посланник не вмешивался.

Он приехал час назад с шестью всадниками и запечатанным требованием дома Торвальдов. Высокий, широкоплечий, одетый в чёрный дорожный камзол без украшений, он привёз с собой запах холодного воздуха, кожи и дальнего пути. На воротнике серебром был вышит знак северного рода — раскрытые крылья дракона над горной вершиной.

Имени своего он пока не назвал. Лишь предъявил полномочия лорда Эйдара Торвальда и попросил собрать главу рода вместе со взрослыми наследниками.

Ивена решила, что речь пойдёт о компенсации.

Она даже принесла расчёты.

Сейчас папка с ними лежала возле её локтя.

Три месяца назад на дороге у ущелья Рин погиб северный торговый караван. Люди Арда-лей получили приказ остановить обоз, якобы перевозивший военное снаряжение. Караван не подчинился. Столкновение закончилось пожаром: сгорели повозки, семена, стеклянные панели, медные трубы и часть инструментов, предназначавшихся для северных теплиц.

Когда до дома дошли первые известия, Ивена два дня разбирала счета и списки.

Убыток был огромным.

Но при чём здесь она?

— Я не отдавала такого приказа, — произнесла Ивена.

Отец отвёл руку от документа.

— Приказ подписан твоим именем.

— Моё имя стоит на десятках хозяйственных распоряжений каждую неделю.

— Именно поэтому северяне сочли документ подлинным.

Ивена ощутила, как собственное спокойствие начинает работать против неё. Если закричать, отец назовёт её истеричной. Если промолчать — решит, что согласилась. Всю жизнь рядом с Орвеном Ардалем приходилось выбирать не между хорошим и плохим, а между двумя видами поражения.

Она протянула руку.

— Покажи.

Отец не двинулся.

Северный посланник сделал это за него.

Он снял с папки кожаную ленту, достал лист и передал ближайшему слуге. Тот положил документ перед Ивеной и поспешно отступил, словно бумага могла обжечь.

Ивена наклонилась.

Она узнала бланк дома, гербовую отметку управляющего, форму записи даты и даже привычное расположение строк.

Внизу стояло:

«Ивена Ардаль».

Почерк был похож.

Не настолько, чтобы обмануть её.

Зато достаточно, чтобы убедить чужого человека, видевшего её подпись лишь на торговых договорах.

— Подделка.

Орвен откинулся на спинку кресла.

— Это твоё слово.

— И его легко проверить.

Ивена повернула лист боком к свету.

Её учили вести хозяйственные книги с пятнадцати лет. К двадцати она знала, какое зерно не переживёт влажную весну в низинах, сколько дней требуется плотникам для ремонта большого амбара и почему поставщик из Элмара каждый раз увеличивает вес мешков на бумаге, надеясь, что никто не станет перевешивать груз.

Подпись она ставила десятки раз в день.

И всегда делала короткий верхний росчерк над последней буквой фамилии.

На приказе его не было.

— Посмотрите сюда.

Она указала на строку.

Северянин подошёл ближе.

Впервые Ивена увидела его лицо отчётливо: около сорока, русые волосы с проседью, шрам у левой брови, спокойные серые глаза. Не солдат, привыкший выполнять приказ без

вопросов. Скорее человек, который слишком часто видел чужую ложь и давно научился не торопиться с выводами.

— На моих подписях есть второй штрих, — сказала Ивена. — Всегда. Здесь его нет.

Отец ответил раньше посланника:

— Руку можно изменить намеренно.

Ивена подняла голову.

— Зачем мне уничтожать северный караван?

— Ты могла считать его угрозой.

— Я в тот день находилась в западном округе.

— Приказы передаются письменно.

— И их принимает начальник дорожной стражи. Пусть придёт и скажет, от кого получил документ.

В комнате стало ощутимо холоднее, хотя огонь в камине разгорелся сильнее.

Ивена посмотрела на Лисель.

Сестра не шевельнулась.

Вот теперь страх обрёл форму.

До этого можно было убеждать себя, что отец ошибся. Что кто-то воспользовался её подписью. Что за час они найдут виновного, передадут северянам доказательства и разойдутся.

Но Лисель знала.

И отец знал.

— Лисель, — позвала Ивена.

Сестра подняла голову.

В её голубых глазах блеснула влага.

— Что?

— Ты знаешь, кто отдал приказ?

Ответ задержался всего на одно дыхание.

— Почему ты спрашиваешь меня?

Ивена почувствовала, как внутри что-то опускается, тяжёлое и холодное.

Потому что невиновный человек ответил бы сразу.

— Потому что ты последние два месяца занималась перепиской с дорожной стражей.

Лисель оглянулась на отца.

Орвен нахмурился.

— Достаточно.

— Нет.

Ивена впервые произнесла это слово в его кабинете таким тоном.

Даже слуги у стены перестали притворяться, что ничего не слышат.

Она положила ладонь на поддельный приказ.

— Меня только что обвинили в уничтожении каравана, который стоил Северу состояния.

Поэтому «достаточно» будет тогда, когда я получу ответ.

Лисель вцепилась в подлокотник.

— Я не хотела, чтобы всё произошло так.

Ивена закрыла глаза на мгновение.

Вот и всё.

Никакого расследования.

Никакой ошибки.

— Так как?

Сестра сглотнула.

— Северяне постоянно везли грузы через наши дороги без новых разрешений. Отец говорил, что нужно ужесточить контроль.

— Я говорил проверить документы, — отрезал Орвен.

Лисель торопливо продолжила:

— Я решила, что если остановить один караван, они начнут считаться с нами.

— Остановить?

Ивена снова посмотрела на приказ.

Там стояли совершенно определённые слова: в случае сопротивления груз уничтожить.

— Я не знала, что караван откажется подчиниться.

— Ты приказала уничтожить груз.

— Только если они попробуют прорваться!

— И чьё имя ты поставила внизу?

Лисель сжалась.

— Моё никто бы не принял всерьёз.

В этой фразе было столько искренней обиды, что Ивена едва не рассмеялась.

Не от веселья.

Она вспомнила, как два года назад Лисель плакала за ужином, потому что отец не позволил ей участвовать в заседании управляющих. Тогда Ивена провела с сестрой половину ночи, объясняя, как устроены закупки, как читать отчёты арендаторов и почему право распоряжаться людьми начинается с ответственности за последствия.

Через неделю Лисель потеряла интерес.

Через месяц объявила хозяйственные дела скучными.

А три месяца назад решила доказать, что её должны принимать всерьёз.

И подписалась именем Ивены.

— Значит, ты использовала мою подпись, потому что твою никто бы не послушал.

— Я собиралась потом всё объяснить.

— Кому?

Лисель не ответила.

— Караван сгорел три месяца назад, — продолжила Ивена. — Когда именно ты собиралась объяснить?

— Я испугалась.

Это было хотя бы честно.

Ивена отодвинула документ.

Пальцы дрожали, поэтому она сложила руки на коленях.

Отец тяжело выдохнул.

— Теперь, когда всё выяснено внутри семьи, мы можем перейти к решению.

Ивена посмотрела на него.

Фраза была настолько невозможной, что сначала не вызвала даже гнева.

— Внутри семьи?

Орвен перевёл взгляд на северного посланника.

— Господин Ровен, вы слышали признание моей младшей дочери. Она совершила опрометчивый поступок, не представляя его последствий.

Так вот как его звали.

Ровен никак не отреагировал.

— Я услышал, — ответил он.

— Тогда обвинение снято, — сказала Ивена.

Отец не посмотрел на неё.

— Север требует не признания. Север требует возмещения ущерба.

— Его возместит тот, кто его причинил.

— Не всё так просто.

В детстве Ивена ненавидела эту отцовскую фразу.

«Не всё так просто» означало, что решение уже принято, а ей сейчас объяснят, почему справедливость неудобна.

— Тогда объясни просто, — предложила она.

Орвен сцепил пальцы перед собой.

— Помолвка Лисель с домом Верданов должна состояться через шесть недель.

Ивена ждала продолжения.

Его не требовалось.

Она уже поняла.

— Нет.

Лисель повернулась к ней.

— Ивена...

— Молчи.

Сестра побледнела.

Ивена редко говорила с ней грубо. Наверное, поэтому одно слово подействовало сильнее крика.

Отец повысил голос:

— Ты забываешься.

— А ты собираешься рассказать мне, что моя сестра не может отвечать за собственный приказ, потому что ей предстоит выгодно выйти замуж.

— Этот брак важен для всего дома.

— А я, следовательно, не важна.

— Не передёргивай мои слова.

— Мне не требуется.

Ивена встала.

Ноги слушались хуже, чем хотелось, но сидеть напротив них она больше не могла.

За высоким окном ливень уже размыл садовую дорожку. Капли стекали по стеклу поверх витражного дракона, превращая золотое пламя в бесформенные полосы.

Ивена подошла к окну, лишь бы не смотреть на сестру.

С детства всем было известно, что Лисель создана для большого брака.

Красивая, мягкая, умеющая нравиться людям. Она входила в зал — и разговоры становились оживлённее. Помнила дни рождения, выбирала подарки, могла за один вечер очаровать самого скучного соседа.

Ивена получала другое.

Книги расходов.

Ключи от складов.

Поля, на которых вода каждый год стояла дольше положенного.

Работников, спорящих из-за участков.

Счета.

Ремонты.

Недовольных арендаторов.

Когда в семнадцать она добилась, чтобы южные виноградники перестали приносить убыток, отец сказал: «Хорошая работа».

Когда Лисель в восемнадцать впервые появилась на зимнем балу в столице, Орвен три дня рассказывал гостям, сколько предложений о танце она получила.

Ивена никогда не считала это предательством.

До сегодняшнего дня.

— Что именно требует лорд Торвальд? — спросила она, не оборачиваясь.

Ответил Ровен:

— Дом Ардалей должен компенсировать уничтоженный груз и предоставить человека, ответственного за распоряжение, в распоряжение северного управления до полного погашения долга.

Ивена повернулась.

— В распоряжение?

— Работать.

— Где?

— В землях лорда Торвальда.

— Сколько?

— Срок зависит от результата.

— Год?

— Возможно.

— Пять?

Ровен выдержал её взгляд.

— Возможно.

В комнате послышался шорох ткани.

Лисель прижала ладонь ко рту.

Ивена не дала себе посмотреть на неё дольше секунды.

— Что должен делать этот человек?

— Уничтоженный караван вёз материалы для восстановления северных теплиц. Значительная часть семенного фонда погибла. Несколько поселений рассчитывали на новый урожай.

— И лорд Торвальд хочет, чтобы виновный восстанавливал то, что уничтожил.

— В том числе.

В других обстоятельствах Ивена могла бы назвать требование суровым, но понятным.

Если твой приказ сжёг чужой труд, ты отвечаешь собственным.

Вот только приказ был не её.

— Прекрасно, — сказала она. — Лисель поедет на Север.

Сестра шумно вдохнула.

Орвен поднялся.

— Нет.

Одно короткое слово.

Ивена смотрела на отца, чувствуя, как последняя надежда, которую она зачем-то сохранила, исчезает.

— Почему?

— Я уже объяснил. Её помолвка...

— Мне плевать на её помолвку.

— А мне нет.

Орвен обошёл стол.

В движениях появилась раздражённая решительность, знакомая всем, кто когда-либо пытался спорить с главой Ардалей.

— Дом Верданов контролирует речные пути. Без этого союза мы потеряем треть торговли к весне. Отправив Лисель на Север, я разрушу договор, над которым работал два года.

— А отправив меня?

Отец остановился в двух шагах.

— Ты не связана брачными обязательствами.

— Поэтому меня можно отдать вместо неё.

— Я никого не отдаю.

Ивена посмотрела на Ровена.

Посланник сохранял невозмутимость, однако взгляд его на секунду задержался на Орвене.

Отец это заметил.

— Речь идёт о выполнении обязательств рода, — продолжил он. — Ивена управляет хозяйственными землями. Она лучше Лисель понимает, как устроены теплицы, склады, поставки, работа с землёй. Если Север требует восстановить потерянное, Ивена принесёт куда больше пользы.

Вот оно.

Красивое объяснение.

Настолько разумное, что на бумаге могло бы показаться справедливым.

Ивена с удивлением поняла, что именно это ранит сильнее всего.

Отец не собирался избавиться от неё из ненависти.

Он просто посчитал.

Одна дочь ценна будущим браком.

Вторая полезна работой.

Для сохранения обеих требуется пожертвовать интересами дома.

Значит, следует выбрать ту, чья потеря обойдётся дешевле.

— Ты уже согласился? — спросила Ивена.

Орвен помолчал.

Этого хватило.

Она отступила от него.

— Когда?

— Вчера вечером пришли окончательные условия.

— А посланник приехал сегодня утром.

— Да.

— Значит, ты ответил до того, как поговорил со мной.

— Я глава рода.

Ивена засмеялась.

Смех вышел чужим и коротким.

— Конечно.

— Не устраивай сцен.

Она резко повернулась к нему.

— Сцену?

Ивена заставила себя сделать вдох.

Ей хотелось схватить серебряную чернильницу и швырнуть в стену. Хотелось указать на Лисель и потребовать от неё хотя бы раз взять на себя последствия собственного поступка. Хотелось спросить отца, сколько ещё лет нужно работать на его землях, чтобы стать дочерью, а не удобным инструментом.

Вместо этого она сказала:

— Ты подделал доказательства.

Орвен изменился в лице.

— Следи за словами.

— Приказ подделала Лисель. Но теперь, когда Север потребовал виновного, ты намерен подтвердить, что подпись принадлежит мне. Это уже не детская выходка сестры. Это твоё решение.

— Никто не утверждает, что ты намеренно...

— В документе будет моё имя?

Отец промолчал.

— Будет?

— Да.

Внутри словно оборвалась туго натянутая струна.

Ивена посмотрела на Ровена.

— Вы знали?

— Я получил от вашего отца официальное признание ответственности дома Ардалей и имя человека, подписавшего приказ.

— Моё.

— Ваше.

— И теперь, услышав правду, всё равно увезёте меня?

Ровен впервые отвёл взгляд к Орвену.

— Моё поручение — доставить на Север названного вашим домом представителя.

— Даже если он невиновен?

Посланник ответил после паузы:

— Вопрос вины будет решать лорд Торвальд.

Эта фраза заставила Орвена нахмуриться.

Ивена заметила.

Значит, отец ожидал чего-то другого.

— Что вы знаете об Эйдаре Торвальде? — спросила она.

— Ивена, — предупредил отец.

— Я хочу знать, к кому ты меня отправляешь.

Орвен повернулся к столу, словно устал от разговора.

— Лорд Торвальд управляет северными землями. Он достаточно разумен, чтобы понимать ценность соглашения.

— Это не ответ.

— Другого тебе не требуется.

— Мне требуется всё, что может пригодиться, если я собираюсь прожить несколько лет у человека, которого наш дом считает врагом.

Ровен изучал её уже с иным выражением.

— Лорд Торвальд исполняет заключённые договоры, — сказал он. — Требуется того же от других. В его землях суровые правила, потому что ещё суровее последствия ошибок.

— Он дракон?

Орвен недовольно качнул головой, словно вопрос был детским.

Ровен ответил:

— Да.

— Сильный?

— Очень.

— Женат?

В этот раз в серых глазах посланника мелькнуло удивление.

— Нет.

— Я спрашиваю не из любопытства. Если отец уже решил распорядиться моей жизнью, я предпочитаю заранее узнать все возможные формы этого распоряжения.

Лисель всхлипнула.

Ивена повернулась к ней.

— Не надо.

— Что?

— Плакать.

— Я не хотела...

— Ты уже это сказала.

— Ивена, я правда не думала, что отец отправит тебя.

— А кого ты думала он отправит, когда воспользовалась моим именем?

Лисель открыла рот.

Закрыла.

В её лице появилось растерянное выражение ребёнка, впервые обнаружившего, что сло-
манная вещь не становится целой после слов «я нечаянно».

— Я собиралась всё исправить.

— Как?

— Не знаю.

— Вот именно.

Ивена подошла к столу и собрала свои расчёты в папку.

Три часа назад она спешила закончить их до приезда северного посланника. Пересчи-
тала стоимость уцелевших материалов, нашла два хозяйства, готовых продать семенной фонд
дешевле обычного, составила возможный график поставок.

Она собиралась спасать положение семьи.

Отец в это время готовился спасти Лисель за её счёт.

— Куда ты? — спросил Орвен.

— В свою комнату.

— Совет не окончен.

— Для меня окончен.

— Сядь.

Раньше она бы села.

Эта мысль появилась неожиданно.

Раньше Ивена могла спорить, злиться, требовать аргументов, но в конце выполняла при-
каз отца. Потому что дом держался на порядке. Потому что кто-то должен был быть разумным.
Потому что семья важнее личной обиды.

Сколько решений Орвен принял, заранее рассчитывая именно на это?

— Нет.

Он посмотрел на неё так, словно не узнал.

— Что ты сказала?

— Мне нужно собрать вещи. Ты ведь уже обещал отдать меня Северу.

— Я обещал направить тебя в земли Торвальда для погашения долга.

— Какая удобная формулировка.

Орвен понизил голос:

— Не заставляй меня сожалеть, что я доверял тебе управление землями.

Ивена почувствовала, как гнев наконец вытесняет оцепенение.

— Доверял?

Она положила папку обратно на стол.

— В прошлом году южные поля дали лучший урожай за двенадцать лет. До этого два
сезона подряд они приносили убыток. Я изменила систему аренды, отказалась от поставщика,
который крал у нас зерно, и убедила три деревни восстановить старые каналы. Ты назвал это
моей обязанностью.

Орвен открыл рот, но Ивена продолжила:

— Когда в восточных садах вымерзла треть деревьев, я провела там два месяца и вер-
нулась к осеннему сбору. Когда управляющий Рестен исчез с деньгами работников, я нашла
недостачу до того, как её заметил казначей. Когда Лисель решила, что может распоряжаться
дорожной стражей, она воспользовалась моей подписью именно потому, что люди привыкли
выполнять мои приказы.

Лисель опустила глаза.

— А теперь ты говоришь о доверии, — закончила Ивена. — Ты доверяешь мне ровно до того момента, пока моей жизнью не становится выгоднее расплатиться.

Орвен побледнел от ярости.

— Ты забываешь, кому обязана своим положением.

Ивена посмотрела вокруг кабинета.

Ещё утром эти стены означали дом.

Сейчас она увидела их иначе.

Стол, за которым ей никогда не предлагали место рядом с отцом, хотя половина лежащих на нём отчётов была составлена ею.

Карта, где она знала каждый участок лучше любого мужчины из совета.

Портреты предков, смотревших со стен сурово и уверенно, как люди, которым никогда не приходилось доказывать право принадлежать собственному роду.

— Кажется, сегодня ты очень ясно показал мне моё положение.

Она взяла папку.

— Ивена!

Отец шагнул к ней, но Ровен неожиданно заговорил:

— Лорд Ардаль.

Орвен остановился.

— Что?

— Я советовал бы позволить вашей дочери подготовиться.

— Это семейный разговор.

— Через несколько часов леди Ивена покинет ваш дом под моей ответственностью. Мне поручено доставить её в сохранности.

Ивена посмотрела на посланника.

Он не защищал её.

Просто исполнял приказ.

И всё же в этом кабинете именно чужой человек впервые обозначил предел власти её отца.

Орвен тоже это понял.

— До вечера, — бросил он. — Выезд после заката.

— После заката? — переспросила Ивена.

— Дорога до северной заставы займёт несколько дней, — объяснил Ровен. — Лорд Торвальд приказал не задерживаться.

Конечно.

Лорд Торвальд.

Человек, которого она никогда не видела, уже определял время её отъезда.

Хотя справедливости ради он хотя бы не притворялся отцом.

— Хорошо.

Ивена направилась к двери.

— Сестра.

Голос Лисель догнал её возле порога.

Ивена остановилась.

— Можно я пойду с тобой?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что она обернулась.

Лисель выглядела растерянной. Щёки побледнели, глаза покраснели.

— Куда?

— В комнату.

— Зачем?

— Поговорить.

— Мы уже поговорили.

— Нет, ты говорила, а я...

— А ты молчала, когда отец назвал виновной меня.

Лисель вздрогнула.

— Я испугалась.

— Я знаю.

— Ты думаешь, мне всё равно?

Ивена долго смотрела на сестру.

Вот это было самое трудное.

Если бы Лисель злорадствовала, всё стало бы проще. Если бы отец ненавидел Ивену, можно было бы однажды уйти и закрыть за собой дверь.

Но Лисель любила её.

По-своему.

Любила сидеть у неё на кровати после балов и рассказывать сплетни. Приносила ей ленты из города, потому что считала, что Ивена носит слишком скучные платья. В детстве пряталась в её комнате во время грозы.

И всё равно позволила ей заплатить за собственную ошибку.

— Тебе не всё равно, — сказала Ивена. — Просто тебе оказалось страшнее потерять свою жизнь, чем сломать мою.

Лисель побледнела ещё сильнее.

Ивена вышла.

Коридор встретил её обычной домашней суетой.

Служанка несла стопку выглаженного белья. Двое мальчишек из кухни тащили корзину яблок. Старый дворецкий Костен беседовал с плотником возле лестницы. Где-то наверху хлопнула дверь.

Дом продолжал жить, словно Ивену не вычеркнули из него пять минут назад.

Она пошла к лестнице.

На третьей ступени её догнал голос:

— Леди Ивена.

Ровен.

Он оставил кабинет отца и теперь стоял в нескольких шагах.

— Что ещё?

— Ваши расчёты.

Она опустила взгляд на папку под рукой.

— Что с ними?

— Вы принесли их на совет до того, как узнали решение?

— Да.

— Зачем?

— Я думала, мы будем обсуждать компенсацию.

— И вы уже подготовили варианты?

— Это моя работа.

Ровен задумчиво посмотрел на неё.

— Теперь, полагаю, ваша работа изменилась.

— Теперь, полагаю, у меня вообще нет работы.

— Ошибаетесь.

Впервые за всё утро его голос прозвучал почти жёстко.

Ивена подняла взгляд.

— Лорд Торвальд не просил вашего отца прислать бесполезного заложника. Ему нужен человек, который сможет исправить последствия произошедшего.

— Очень удобно для моего отца.

— Возможно.

— Вы знали, что он выберет меня?

— Я знал имя до приезда.

— И не знали, что приказ отдала Лисель.

— Нет.

— Теперь знаете.

— Знаю.

— И всё равно повезёте меня.

— Если вы поедете.

Ивена нахмурилась.

— У меня есть выбор?

— С моей стороны никто не станет тащить вас в карету силой.

— А со стороны договора?

— Если дом Ардалей откажется выполнить условия, лорд Торвальд потребует полную компенсацию немедленно и введёт ограничения на южные караваны.

Ивена невесело усмехнулась.

— То есть выбор есть. Между собой и несколькими тысячами людей, которые зависят от торговли моего отца.

— Примерно так.

— Тогда это не выбор.

Ровен ничего не ответил.

Ивена уже собиралась уйти, когда он добавил:

— Иногда выбор определяется не количеством доступных дорог, леди Ардаль.

Она остановилась.

— А чем?

— Тем, кем вы станете на той, которую всё-таки выберете.

Ей хотелось ответить колкостью.

Не получилось.

Ровен слегка поклонился и вернулся к кабинету.

Ивена поднялась вверх.

К вечеру дождь закончился.

Ивена стояла посреди своей спальни и смотрела на два раскрытых дорожных сундука.

За последние часы вещи почему-то потеряли привычные значения.

Платье цвета тёмной зелени — подарок матери на двадцатилетие.

Плотный шерстяной плащ — поездка в западный округ прошлой зимой.

Кожаные перчатки — сбор винограда, когда она решила, что должна хотя бы раз сама пройти весь путь от лозы до погребя.

Книги.

Вот с ними оказалось труднее всего.

Служанка Мира уже трижды спрашивала, какие брать.

Ивена не знала.

Как собирают жизнь, если неизвестно, на сколько уезжаешь?

На год.

На пять.

Навсегда.

— Возьмите справочник по северным почвам, — предложила Мира.

Ивена посмотрела на девушку.

— У меня есть справочник по северным почвам?

— Есть. Вы ругались на него весной. Говорили, что автор ни разу не видел настоящей мерзлой земли.

У Ивены вырвался смех.

Первый настоящий за весь день.

Мира улыбнулась, но глаза у неё были красными.

— Положи.

— А ещё?

— Книгу по стекольным конструкциям.

— Ту толстую?

— Да.

— Она весит как маленький поросёнок.

— Значит, придётся оставить одно платье.

Мира фыркнула и пошла к шкафу.

За дверью раздался стук.

Ивена напряглась.

— Кто?

— Я.

Лисель.

Мира посмотрела на хозяйку.

Ивена несколько секунд молчала.

— Впусти.

Сестра вошла одна.

Она успела переодеться. Вместо праздничного платья на ней было простое домашнее, волосы распущены по плечам. Браслет жениха исчез.

Лисель остановилась возле двери.

— Можно?

— Ты уже внутри.

Мира подхватила стопку платьев.

— Я проверю второй сундук, миледи.

Она вышла, оставив сестёр вдвоём.

Лисель посмотрела на собранные вещи.

— Ты правда поедешь.

Ивена сложила перчатки.

— Похоже на то.

— Но ты могла отказаться.

— И что произойдёт?

— Отец что-нибудь придумает.

— Он уже придумал.

Лисель опустилась на край кресла.

— Я скажу Вердана́м правду.

Ивена замерла.

— Что?

— О приказе.

— Когда?

— Завтра.

— Почему не сегодня, когда здесь был северный посланник?

Лисель опустила голову.

— Я пыталась.

— Нет.

— Пыталась.
— Ты открыла рот только после того, как я прижала тебя к стене вопросами.
Лисель заплакала.
Без театра.
Слёзы просто покатились по щекам.
— Мне страшно.
Ивена села напротив.
— Думаешь, мне нет?
— Ты всегда справляешься.
Слова прозвучали почти с обвинением.
Ивена удивлённо посмотрела на сестру.
— Поэтому меня можно отправить?
— Я не это имела в виду.
— Но именно так всё и вышло.
Лисель вытерла щёки ладонями.
— Отец сказал, что ты умеешь жить везде. Что на Севере тебя будут уважать, потому что ты умеешь работать. А я... я ничего такого не умею.
Ивена почувствовала усталость.
Так вот что отец сказал Лисель.
Одной дочери объяснил, что её нельзя потерять.
Другой — что она достаточно сильная, чтобы пережить потерю.
— Ты могла научиться.
— Я знаю.
— Я предлагала.
— Знаю.
— Тогда почему сейчас звучит так, словно моя способность справляться делает происходящее справедливым?
Лисель вскинула голову.
— Я не думаю, что это справедливо.
— Но принимаешь.
— Что ты хочешь от меня?
Вопрос вырвался у неё с отчаянием.
Ивена задумалась.
Чего она хотела?
Чтобы Лисель пошла вниз, призналась перед Ровеном и сама села в северную карету?
Ещё утром — да.
Сейчас Ивена уже понимала, что отец не допустит этого. Откажется от договора. Влезет в долги. Найдёт новый способ сохранить любимицу.
А Ивена останется здесь.
Продолжит работать на человека, который однажды уже решил, что её жизнью можно закрыть семейный счёт.
Эта мысль неожиданно оказалась страшнее Севера.
— Я хочу, чтобы ты запомнила этот день, — сказала она.
Лисель растерялась.
— Зачем?
— Потому что однажды отец снова решит за тебя. И тогда рядом может не оказаться человека, которым можно расплатиться вместо тебя.
— Ивена...

— Я много лет думала, что защищаю тебя. Возможно, я просто научила тебя тому, что последствия всегда понесёт кто-нибудь другой.

Лисель закрыла лицо ладонями.

Ивена встала.

Ей было жаль сестру.

Это раздражало сильнее всего.

Она подошла к окну.

После дождя сад блестел. Листья липли к дорожкам, с карниза мерно капала вода. На дальнем дворе готовили лошадей северян.

Чужих тёмных коней.

Её будущую дорогу.

— Прости меня, — сказала Лисель.

Ивена не повернулась.

— Сейчас я не могу.

Сестра тихо заплакала.

— Когда-нибудь?

— Не знаю.

Это был единственный честный ответ.

Когда Лисель ушла, Ивена закончила сборы.

Два сундука.

Папка с расчётами.

Книги.

Тёплая одежда.

Немного денег, которые принадлежали лично ей.

Поразительно мало для двадцати шести лет жизни.

Мира застегнула последний ремень.

— Я могу поехать с вами.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты недавно вышла замуж.

— Муж поймёт.

— А я не пойму, если ты оставишь его ради моих семейных глупостей.

— Это не ваши глупости.

Ивена улыбнулась.

— Вот поэтому и оставайся.

Мира отвернулась, притворяясь, что проверяет замок.

Ивена коснулась её плеча.

— Всё будет хорошо.

— Вы сами в это верите?

— Пока нет.

— Тогда зачем говорите?

— Мне нужно с чего-то начать.

Они обе рассмеялись.

Через минуту Мира всё-таки обняла её.

Это было настолько неожиданно, что Ивена сначала застыла, а потом прижала девушку к себе.

— Пишите.

— Постараюсь.

— Нет. Обещайте.

— Обещаю.

Когда служанка ушла за носильщиками, Ивена осталась одна.

Она прошла по комнате.

Провела рукой по спинке кресла.

Коснулась подоконника.

Остановилась возле шкафа, на внутренней дверце которого ещё сохранилась царапина.

Лисель сделала её в девять лет, когда они прятались здесь от гувернантки после украденного пирога.

Ивена тогда взяла вину на себя.

Ей стало смешно от горечи совпадения.

Некоторые привычки действительно формируются рано.

В дверь постучали.

На этот раз вошёл отец.

Ивена не удивилась.

— Сундуки уже внизу?

— Сейчас унесут.

Орвен закрыл дверь.

Без свидетелей он выглядел старше.

Снял официальный камзол, остался в тёмной рубашке и жилете. На висках волосы рас-
трепались. Наверное, весь день занимался бумагами.

Ивена поймала себя на привычном желании спросить, ужинал ли он.

От этого стало противно.

— Я не хотел, чтобы всё произошло именно так, — сказал Орвен.

— Сегодня эта фраза особенно популярна в нашей семье.

Он поморщился.

— Не язви.

— Хорошо. Тогда зачем пришёл?

— Поговорить без чужих ушей.

— Говори.

Отец прошёл к окну.

Несколько секунд они стояли там, где недавно Ивена разговаривала с сестрой.

— Ты считаешь, что я выбрал Лисель потому, что люблю её больше.

Ивена не ответила.

— Это неправда.

— Тогда не объясняй. Просто скажи, что я ошиблась, и отправь на Север виновную.

Он сжал губы.

— Я не могу.

— Значит, я не ошиблась.

— Мир не устроен настолько примитивно.

— Семья, видимо, тоже.

Орвен повернулся.

— Лисель нужна союзу с Верданами.

— А я нужна тебе на землях.

— Да.

Честность почти обезоружила.

— Кто будет заниматься ими после моего отъезда?

— Гаррен.

Ивена не удержалась:

— Он в прошлом месяце продал овёс дешевле себестоимости.

— Научится.

— Быстро ты поверил в чужие способности.

— Ивена.

Отец подошёл ближе.

— Я не отправляю тебя умирать.

— Откуда ты знаешь?

— Торвальд не безумец.

— Ты его знаешь?

— Достаточно.

— Я слышала другое.

— Что именно?

Ивена перечислила то небольшое, что успела вспомнить из разговоров о Севере.

Лорд Эйдар Торвальд подавил мятеж приграничных вассалов за одно лето.

Отказался выдавать столице беглых северных мастеров.

Закрывал перевалы для торговцев после нарушения старого договора.

О нём говорили как о человеке, который редко угрожает дважды.

— Это политика, — ответил Орвен. — В личных договорах Торвальд предсказуем.

— Прекрасная характеристика для мужчины, которому ты передаёшь дочь.

— Не передаю.

Ивена устало посмотрела на него.

— Давай хотя бы сегодня не будем лгать друг другу.

Орвен замолчал.

Потом подошёл к столу и положил на него небольшой мешочек.

По звону Ивена поняла, что внутри монеты.

— Возьми.

— У меня есть свои деньги.

— Этого больше.

— Тогда пригодятся дому. Ты ведь теряешь меня как управляющую.

— Хватит.

— Почему? Разве мы не обсуждаем хозяйственную необходимость?

— Я понимаю, что ты зла.

— Нет.

Отец посмотрел на неё.

Ивена сама удивилась своему ответу.

— Уже нет.

Гнев был проще.

Под ним оставалось другое.

— Я просто наконец поняла.

— Что?

— Как ты меня видишь.

Орвен нахмурился.

— Ты моя старшая дочь.

— Это слова.

— Ивена...

— Когда мама умерла, ты сказал, что теперь я должна помогать тебе с Лисель.

Она не собиралась говорить об этом.

Но воспоминание пришло само.

Ей было четырнадцать.

Лисель — девять.

Отец тогда сидел в этом же доме перед закрытым окном и говорил, что семья должна держаться вместе.

Ивена очень старалась.

Она водила Лисель на уроки. Защищала перед учителями. Училась вести хозяйство, потому что отец устал. Отказывалась от поездок, если дома возникали проблемы.

Никто не заставлял.

Так она думала.

— Я помогала, — продолжила Ивена. — Сначала потому, что ты попросил. Потом потому, что привыкла. Потом потому, что решила, что это и есть моё место в семье.

Орвен медленно сел в кресло.

— Ты всегда была моей опорой.

Ивена улыбнулась.

— Именно.

— Что в этом плохого?

— Опорой жертвуют, если нужно спасти то, что она поддерживает.

Отец отвёл взгляд.

Попала.

— Лисель слабее тебя.

— Поэтому её нужно защищать от последствий собственной ошибки?

— Она моложе.

— Ей двадцать один.

— Она ещё не знает жизни.

— Потому что ты не позволил ей узнать.

Орвен раздражённо поднялся.

— Ты судишь слишком легко.

— Нет. Просто впервые судят меня.

Он прошёлся по комнате.

— Если я отправлю Лисель, Верданы расторгнут договор. Сотни семей потеряют работу на речных складах. Цены на перевозки вырастут. Север всё равно потребует человека, способного восстановить хозяйство, и через месяц выяснится, что Лисель ничего не умеет. Что тогда?

Ивена выслушала.

Вот его логика.

Страшная именно своей убедительностью.

— Значит, лучший вариант — я.

— Для дома — да.

Он сказал это.

Без принуждения.

Ивена почувствовала неожиданное облегчение.

Наконец-то.

— Спасибо.

Орвен нахмурился.

— За что?

— За честность.

— Ты должна понимать...

— Я поняла.

Она подошла к мешочку с монетами и придвинула его к отцу.

— Оставь.

— Не глупи.

— Это деньги Ардалей?

— Разумеется.

— Тогда оставь их Ардалям.

— Ты тоже Ардаль.

Ивена посмотрела ему прямо в глаза.

— Сегодня я в этом не уверена.

Он побледнел.

В коридоре послышались шаги.

Носильщики пришли за сундуками.

Орвен заговорил торопливее:

— Ты вернёшься.

— Возможно.

— Когда долг будет погашен.

— Если лорд Торвальд решит, что он погашен.

— Я прослежу.

Ивена чуть наклонила голову.

— Как сегодня?

Отец отступил.

Стук в дверь избавил его от ответа.

— Миледи, сундуки готовы, — сообщил слуга.

— Забирайте.

Двое мужчин вошли и вынесли вещи.

Орвен всё ещё стоял у окна.

Ивена надела дорожный плащ.

Застегнула верхнюю пряжку.

На мгновение ей захотелось, чтобы отец подошёл.

Обнял.

Сказал, что передумал.

Что никакой договор не стоит дочери.

Он не подошёл.

— Ивена.

Она взялась за ручку двери.

— Что?

— Не превращай это в окончательный разрыв.

Ивена закрыла глаза.

Значит, даже сейчас ответственность за сохранение семьи он оставлял ей.

— Это не я сделала выбор.

Она вышла.

Внизу горели все свечи.

В холле собрались слуги. Никто, разумеется, официально не знал причин её отъезда, однако новости в большом доме распространялись быстрее огня по сухой траве.

Ивена спускалась по лестнице и видела лица людей, с которыми прожила много лет.

Кухарка вытирала руки о передник.

Старый Костен стоял у дверей.

Молодой конюх, которого Ивена прошлой весной не позволила выгнать после испуганной лошадкой разбитой повозки, смотрел на неё с таким возмущением, словно собирался лично остановить северян.

У самого выхода ждала Лисель.

Ивена остановилась перед сестрой.

Та протянула ей маленький свёрток.

— Это тебе.

— Что там?

— Шарф. Тот синий. Ты всегда его брала зимой.

Ивена приняла.

Ткань оказалась тёплой, знакомой.

Она помнила, как сама отдала этот шарф Лисель три года назад, когда сестра замёрзла по дороге со столичного бала.

Наверное, поэтому сейчас не смогла отказаться.

— Спасибо.

Лисель всхлипнула.

— Я напишу тебе.

— Пиши.

— Ты ответишь?

Ивена не стала обещать.

Снаружи ржали лошади.

Двери холла были ещё закрыты, но сквозь щели тянуло свежим холодом после дождя.

У лестницы появился отец.

Все сразу выпрямились.

Орвен подошёл к дочерям.

Лисель инстинктивно сделала шаг к нему.

Ивена заметила это.

Совсем маленькое движение.

Привычное.

Младшая всегда знала, где её место.

Рядом с отцом.

— Карета готова, — сказал Орвен.

— Вижу.

Он хотел добавить что-то ещё.

Ивена не позволила.

— Один вопрос.

— Какой?

Она думала о нём всё время, пока собиралась.

На самом деле ответ был очевиден.

Но ей требовалось услышать его.

Не предположить.

Не догадаться по молчанию сестры или холодным расчётам договора.

Услышать от отца.

— Почему я?

Орвен нахмурился.

— Мы уже говорили.

— Нет. Ты объяснил торговлю, Верданов, Север, мои способности и обязанности рода.

Я спрашиваю другое.

Ивена посмотрела на Лисель.

Та сразу отвела глаза.

Потом снова на отца.

— Если бы выбирать пришлось не между выгодой и убытком, а между нами двумя, кого бы ты спас?

— Это бессмысленный вопрос.

— Для меня нет.

— Ивена...

— Почему ты выбрал меня?

В холле стало так спокойно, что слышно было, как за дверью лошадь ударила копытом по мокрым камням.

Отец долго молчал.

Наверное, искал правильные слова.

Ивена впервые не хотела правильных.

— Потому что потерю Лисель наш род не переживёт.

Вот и всё.

Фраза вошла ровно, без крика.

От неё не перехватило дыхание. Не подкосились ноги. Мир не исчез.

Наоборот, всё вдруг стало ясным.

Отец не произнёс продолжения.

Оно не требовалось.

Потерю Ивены род переживёт.

Она посмотрела на Лисель.

Сестра плакала.

На Орвена.

Он уже сожалел о сказанном, но не собирался брать слова назад.

Потом Ивена повернулась к дверям.

Ровен ждал возле них.

До этого он стоял в стороне, позволяя семье закончить прощание. Теперь положил ладонь на бронзовую ручку.

Тяжёлые створки распахнулись.

С улицы ворвался влажный вечерний воздух.

За порогом ждали чёрная карета, северные всадники и дорога, уходящая туда, где Ивена никогда не бывала.

Ровен отступил, освобождая ей путь.

— Леди Ардаль, лорд Торвальд ждёт вас.

Глава 2. Враг не просил невесту

Ивена переступила порог прежде, чем отец успел сказать что-нибудь ещё. За спиной оставался ярко освещённый холл, знакомый до каждой трещины на каменных плитах, впереди блестела после дождя дорога, а возле чёрной кареты ждали северные всадники. Она ещё чувствовала на плечах взгляды Орвена и Лисель, однако не обернулась. После ответа отца возвращаться глазами к дому оказалось не легче, чем ногами.

Синий шарф сестры лежал у неё на руке. Ивена машинально провела пальцами по мягкой шерсти, затем сложила ткань и убрала под плащ. Выбросить подарок она не могла. Простить Лисель тоже.

Ровен спустился следом.

— Ваши сундуки уже закрепили.

— А мои расчёты?

— В карете.

Это почему-то успокоило сильнее, чем следовало. Два сундука с одеждой могли принадлежать любой женщине, отправленной неизвестно куда. Папка с цифрами, списками и заметками всё ещё принадлежала ей.

Ивена подошла к экипажу.

Северная карета выглядела не роскошно, зато добротно: высокие колёса, широкие рессоры, обитые железом углы, плотные кожаные занавеси внутри. Такие делали для дорог, на которых обычный экипаж развалился бы после первой недели пути.

Кучер держал дверцу.

Ивена поставила ногу на ступеньку.

— Ивена!

Она всё-таки остановилась.

Лисель выбежала из дома без плаща. За ней остался Орвен, но отец не последовал за младшей дочерью и лишь смотрел с крыльца.

Лисель спустилась по мокрым ступеням и остановилась в нескольких шагах.

— Я напишу Верданам сегодня.

Ивена смотрела на неё и понимала, что сестра действительно верит в своё решение. Возможно, впервые за весь день она хотела совершить что-то, что причинит неудобство ей самой.

— Напиши, — ответила Ивена.

— И отцу скажу, что...

— Лисель.

Сестра замолчала.

— Не делай ничего ради того, чтобы я тебя простила. Если собираешься признаться Верданам, сделай это потому, что больше не хочешь жить за чужой спиной.

У Лисель дрогнули губы.

Ивена добавила уже мягче:

— Иначе мы через год снова окажемся в том же месте.

Она вошла в карету.

Ровен сел напротив.

Дверца закрылась.

Только тогда Ивена позволила себе посмотреть в окно.

Орвен стоял под навесом, положив ладонь на каменные перила. Лисель осталась на дорожке под начинающимся снова дождём. Мира выглядывала из-за открытой двери.

Карета тронулась.

Передние колёса пересекли ворота Ардалей.

Ивена ждала, что внутри что-нибудь оборвётся.

В детстве ей казалось, что дом связан с человеком невидимой нитью. Именно поэтому после долгих поездок она испытывала облегчение уже при виде башен над деревьями. Можно было раздражаться на отца, спорить с управляющими, уставать от бесконечных счетов, но достаточно было въехать во двор, и всё становилось привычным.

Сейчас башни начали уменьшаться.

Ивена смотрела на них, пока дорога не повернула между деревьями.

Никакой нити она не почувствовала.

Только усталость.

И странное, пугающее облегчение.

— Вы можете попросить остановиться, — сказал Ровен.

Ивена перевела взгляд на него.

— Зачем?

— Чтобы попрощаться иначе.

— Я уже попрощалась.

Он некоторое время молчал, затем устроился удобнее в углу сиденья.

— Тогда до первой заставы ехать около трёх часов. Там сменим лошадей.

— Вы действительно собираетесь ехать ночью?

— Первую часть пути. Завтра будет проще.

— Потому что отец приказал отправить меня сразу?

— Потому что через два дня северный перевал может закрыть снегом.

Ивена невольно взглянула на мокрое окно.

На землях Ардалей ещё стояла поздняя осень. Дождливая, прохладная, но до снега оставались недели.

— Здесь?

— Не здесь.

— Насколько далеко начинается снег?

— Увидите.

Ответ её не устроил.

— Господин Ровен, если мне предстоит работать на Севере неопределённое количество времени, вам придётся привыкнуть, что я задаю вопросы.

— Я уже начинаю привыкать.

— И отвечать на них тоже придётся.

В уголках его глаз появились морщинки.

— Это зависит от вопросов.

Ивена откинулась на спинку.

— Хорошо. Начнём с простого. Какая дорога?

— До пограничья — хорошая. После — хуже.

— Насколько хуже?

— Вы ведь везёте книгу о северных почвах.

Она прищурилась.

— Вы разговаривали с Мирой?

— Она заставила моих людей переложить оба сундука, потому что решила, что один поставили «не той стороной к дороге».

Ивена невольно улыбнулась.

Очень похоже на Миру.

— И успела рассказать о книгах?

— Она предупредила, что если хоть одна промокнет, меня лично будут считать виновным.

— Тогда берегите книги.

— Я понял.

Несколько минут они ехали молча.

За окнами тянулись владения Ардалей.

Ивена знала эти места настолько хорошо, что могла определить расположение по одному изгибу дороги. Вот здесь весной разливался ручей. За рощей находилась мельница, которую пришлось перестраивать после прошлогоднего паводка. Дальше начинались земли деревни Торрен, где хозяева три года спорили из-за общего пастбища.

В окнах домов горел свет.

На дороге попадались телеги с поздним урожаем. Возле одного амбара люди укрывали брезентом мешки, опасаясь дождя.

Нормальная жизнь.

Её ещё утром составляли такие же заботы.

Что сеять.

Где хранить.

Кому платить.

Как пережить плохую весну.

Теперь она ехала исправлять последствия ошибки, которой не совершала.

— Что именно было в караване? — спросила Ивена.

Ровен повернулся к ней.

— Вы знаете.

— Я видела опись Ардалей. Меня интересует северная.

— Семена, стекло, медные трубы, крепления для рам, инструменты.

— Сколько семян?

— Много.

— Это не количество.

— Я не помню точную цифру.

— Какую часть удалось спасти?

— Меньше четверти.

Ивена нахмурилась.

— Значит, проблема больше, чем потеря денег.

— Именно.

— Ваши теплицы уже работали?

— Когда-то.

— А сейчас?

Ровен помолчал.

— Увидите.

Она не любила этот ответ.

За последние часы его произносили уже слишком часто люди, контролировавшие её дальнейшую жизнь.

— Север всегда так разговаривает? — спросила Ивена.

— Как?

— Половина ответа сейчас, половина когда-нибудь потом.

— Возможно, мы экономим слова зимой.

Ивена посмотрела на него.

Ровен выдержал серьёзное лицо всего несколько секунд.

Она поняла, что это шутка, и против воли усмехнулась.

— А лорд Торвальд тоже экономит слова?

— Значительно лучше меня.

— Прекрасно. Значит, наше знакомство обещает быть содержательным.

— Эйдар предпочитает, когда человек говорит о деле.

Ивена сразу уловила отсутствие титула.

— Вы давно его знаете?

— Двадцать семь лет.

— Значит, вы не просто посланник.

— Я управляю частью его земель и временами исполняю поручения, которые требуют терпения.

— Например, забираете чужих дочерей.

Ровен вздохнул.

— Леди Ардаль...

— Я не обвиняю вас. Пока.

— Утешает.

Она снова повернулась к окну.

К ночи дорога стала темнее, лес подступил ближе. Южные деревни встречались реже. После первой заставы поменяли лошадей, Ивена вышла размять ноги и обнаружила, что воздух заметно похолодел.

Хозяин постоялого двора узнал герб Ардалей на её дорожной сумке, однако вопросов не задавал. Только приказал подать горячий ужин для северных людей и отдельный стол для знатной госпожи.

Ивена отказалась от отдельного стола.

Она села вместе с Ровеном у стены и съела горячую похлёбку с хлебом, пока северяне сменяли караул у экипажа.

Один из них, молодой темноволосый мужчина с веснушками, трижды посмотрел в её сторону.

На четвёртый Ивена не выдержала:

— Если вы хотите что-то спросить, спрашивайте.

Он едва не поперхнулся.

Ровен прикрыл глаза ладонью.

— Я запретил им надоедать вам разговорами.

— Он не надоедает. Он сверлит во мне дыру взглядом.

Молодой северянин покраснел.

— Простите, миледи. Просто думал, южные леди выглядят иначе.

— У меня не хватает рогов?

За соседним столом кто-то фыркнул.

Парень окончательно растерялся.

— Я имел в виду... ну... наряднее.

Ивена посмотрела на собственное дорожное платье.

— Я ехала в карете, а не на бал.

— Да, миледи.

— Как вас зовут?

— Харрен.

— Харрен, если вы собираетесь жить на Севере, советую никогда не объяснять женщине, что она выглядит недостаточно нарядно. Это пригодится вам дольше, чем любой меч.

Северяне засмеялись.

Харрен посмотрел на Ровена.

— Я же говорил, что лучше молчать.

— Запомни этот редкий момент, когда ты был прав, — ответил Ровен.

Напряжение немного отпустило.

Ивена не ожидала, что люди Эйдара Торвальда окажутся такими.

Отец годами говорил о северянах как о суровых, почти диких соседях, которые понимают лишь силу договора и угрозу перекрытых дорог. За несколько часов Ивена увидела мужчин, спорящих о месте для багажа, смеющихся над молодым товарищем и благодарящих хозяйку за дополнительный хлеб.

Чужая сторона начинала приобретать лица.

Это осложняло привычную картину врага.

Через четверть часа Ровен поднялся.

— Пора.

Ивена тоже встала.

У двери хозяин постоялого двора протянул ей небольшой свёрток с выпечкой.

— В дорогу, госпожа.

— Я не заказывала.

— Знаю. На перевале всё равно проголодаетесь.

— Сколько?

Он махнул рукой.

— Если вернётесь через наши места, расскажете, правда ли у северян снег лежит до середины весны.

Ивена взяла свёрток.

— Если вернусь, расскажу.

Слово повисло между ними.

Если.

Она вышла наружу.

Ночь пахла мокрой землёй.

До границы было ещё далеко.

Ивена проснулась оттого, что карета остановилась.

За окном серел рассвет.

Шея затекла, ноги замёрзли, а в голове несколько секунд не укладывалось, почему вместо знакомой комнаты она видит кожаную занавесь и спящего напротив Ровена.

Потом память вернулась.

Отец.

Лисель.

Дорога.

Север.

Ивена выпрямилась.

— Где мы?

Ровен открыл глаза сразу, словно и не спал.

— У моста через Аррен.

— Это уже граница?

— Нет. До неё ещё день.

Дверца открылась.

Харрен сообщил:

— На дороге упало дерево. Убирают.

Ивена вышла.

Воздух оказался таким холодным, что она сразу пожалела, что не надела синий шарф.

Дорога шла по высокому берегу реки. Вода внизу была тёмной, тяжёлой. На противоположной стороне холмы покрывал первый белый налёт.

Снег.

Ивена остановилась.

Ровен подошёл сзади.

— Вот и ответ на вчерашний вопрос.

— Я думала, снег начинается гораздо дальше.

— В этом году зима пришла раньше.

— Насколько раньше?

— На три недели.

Ивена повернулась к нему.

— Для хозяйства это плохо.

— Да.

— Насколько?

Ровен посмотрел на белеющие холмы.

— Север не успел сделать часть осенних запасов.

Тревога в его голосе появилась впервые.

Ивена тоже посмотрела вдаль.

На юге ранняя зима означала неприятности, потери части урожая, дополнительные расходы. Здесь, если верить рассказам, холод определял всю жизнь.

— Поэтому Торвальд так торопил вас.

— В том числе.

— И поэтому караван был настолько важен.

— Да.

Она задумалась.

— Почему вы не закупили всё заново?

— Закупили то, что смогли.

— На юге ещё достаточно семян.

— После истории с караваном торговцы подняли цены. А несколько домов вообще отказались продавать нам до решения спора.

Ивена почувствовала укол стыда, хотя не имела отношения к их решению.

— Ардали?

— Среди прочих.

Разумеется.

Отец умел превращать любую проблему в торг.

— А оборудование?

— Часть заказали в других местах. До снегов всё не придёт.

Люди впереди наконец столкнули дерево с дороги.

Ровен жестом показал на карету.

— Продолжим?

Ивена кивнула.

Но теперь дорога изменилась.

Или изменилась она сама.

До этого Ивена видела только собственную потерю. Дом, отца, сестру, несправедливость.

Теперь за сгоревшим караваном появились чужие люди.

Поселения.

Ранняя зима.

Пустые склады.

Ей это не нравилось.

Собственная злость становилась удобнее, когда беда имела только одно лицо.

К полудню начался настоящий снег.

Сначала редкие белые точки таяли на стекле. Через час обочины побелели. К вечеру колёса кареты уже хрустели по тонкому насту.

Юг исчезал постепенно.
Сначала пропали виноградники.
Потом фруктовые сады.
Затем поля стали короче и беднее, а деревни — меньше.
Ивена начала замечать закрытые амбары.
Первый встретился ещё до официальной границы. Большое деревянное здание стояло возле дороги с перекошенной дверью, вокруг не было ни телег, ни работников.
Следующий склад оказался заперт.
У третьего половина крыши провалилась внутрь.
— Почему их не используют? — спросила Ивена.
— Какие?
— Амбары.
Ровен выглянул.
— Старые. После двух плохих сезонов деревня сократила посевы.
— А поля?
— Какие именно?
— За тем холмом. Там видно межи, но ничего не росло.
— Земля истощена.
Ивена долго смотрела в окно.
Она ожидала увидеть Север суровым.
Но суровость природы и запущенность хозяйства — разные вещи.
За очередной деревней ей попалась оранжерея.
Вернее, то, что когда-то ею было.
Каменное основание ещё сохранилось, железные дуги торчали из снега голым каркасом.
Стекла не осталось.
— Это одна из ваших теплиц?
Ровен повернулся.
— Была.
— Почему её бросили?
— Обогрев перестал работать.
— Давно?
— Три года назад.
— За три года никто не восстановил?
— Пытались.
— И?
— Потратили больше, чем получили урожая.
Ивена почувствовала знакомый интерес.
Тот самый, который возникал при виде участка, от которого все махнули рукой.
Она заставила себя отвернуться.
Это не её земли.
Она вообще ехала сюда из-за чужой ошибки.
Тем не менее через несколько миль увидела вторую заброшенную оранжерею.
Потом третью.
В одной стекло сохранилось с северной стороны, однако внутри лежал снег.
— Сколько их?
— Было?
— Есть.
— Десятки.
Ивена повернулась к Ровену.

— И сколько работают?

Он помолчал.

— Сейчас — четыре.

— Из десятков?

— Да.

Ответ был хуже, чем она ожидала.

— Чем вы кормите людей зимой?

— Тем, что успеваем вырастить летом, торговлей, охотой.

— Но если перевалы закрываются...

— Тогда надеемся, что запасы рассчитаны правильно.

Ивена вспомнила отцовскую карту, огромные южные амбары, погреба, списки поставок.

Там она постоянно ругалась из-за потерь в несколько процентов.

Здесь несколько процентов могли решать, хватит ли запасов до весны.

— У вас есть человек, который отвечает за теплицы?

— Был.

— Что с ним?

— Уехал два года назад.

— Почему?

— Сказал, что бороться с северной землёй бессмысленно.

Ивена усмехнулась.

— С землёй вообще бессмысленно бороться.

Ровен посмотрел на неё.

— А что с ней делать?

— Договариваться.

— С землёй?

— Она честнее большинства людей. Если ей плохо, она показывает это сразу.

Ровен рассмеялся.

— Теперь понимаю, почему Эйдар хотел получить именно вас.

Ивена повернулась к нему всем корпусом.

— Именно меня?

Ровен сразу понял ошибку.

— Что?

— Вчера вы сказали, что получили моё имя от отца.

— Верно.

— А сейчас говорите, что Торвальд хотел именно меня.

— Я сказал иначе.

— Нет. Я прекрасно слышала.

Ровен вздохнул.

— Возможно, вам стоит задать этот вопрос ему.

— Вы снова экономите слова?

— Теперь совершенно сознательно.

Ивена откинулась на сиденье.

— Ненавижу Север.

— Вы ещё даже не приехали.

— Именно поэтому у вас есть шанс исправить впечатление.

— Боюсь, ближайшие виды не помогут.

Он оказался прав.

Чем севернее они ехали, тем отчётливее становилось, что здесь живут иначе.

Дома строили ниже и шире, крыши делали крутыми, чтобы снег не задерживался. Окна были маленькими. Дрова складывали прямо вдоль стен под длинными навесами. Возле каждой деревни стояли общие склады.

Однако Ивена заметила кое-что неожиданное.

Дороги здесь содержали лучше южных.

Снег начали расчищать ещё до того, как он успел накопиться. Через опасные овраги были перекинuty добротные мосты. На развилках стояли каменные указатели, и расстояния на них совпадали с картой Ровена.

Беднее — да.

Но не беспорядочнее.

У одного поселения карета снова остановилась.

На дороге стояли несколько повозок с дровами, пропуская отряд.

Ивена выглянула.

Невысокая женщина в толстом меховом жилете спорила с мужчиной, который пытался сдвинуть в сторону застрявшее колесо. Рядом двое подростков толкали телегу.

Ивена неожиданно для себя открыла дверцу.

— Что случилось?

Ровен удивлённо поднял голову.

— Колесо в канаве.

Она вышла.

— Леди Ардаль...

— Мы всё равно стоим.

Снег хрустнул под сапогами.

Холод сразу пробрался под юбки и плащ.

Женщина возле телеги испуганно выпрямилась, заметив её.

— Госпожа.

— Не отвлекайтесь. Почему не разгрузите заднюю часть?

Мужчина у колеса ответил:

— Тогда поленья придётся тащить до посёлка руками.

Ивена осмотрела телегу.

— Не все. Снимите два верхних ряда. Колесо освободится.

Ровен подошёл следом.

— Харрен! Ещё двоих сюда.

Северяне быстро сняли часть дров.

Телега облегчилась, мужчины подложили под колесо широкую доску, и через несколько минут повозка снова стояла на дороге.

Женщина отряхнула перчатки.

— Спасибо, госпожа.

— Далеко везёте?

— До крепости.

Ивена удивилась.

— Туда же, куда мы?

— В нижний двор. Сегодня последний общий подвоз.

— Последний?

— Если снег не отпустит, следующий уже после первой оттепели.

Женщина говорила об этом спокойно.

Ивена посмотрела на повозку.

Обычные дрова.

Но теперь они тоже стали частью большой картины, которую она начала складывать.

Здесь всё зависело от запасов.

Тепло.

Еда.

Работа дорог.

Один сорванный караван действительно мог изменить зиму для множества людей.

Ивене стало неприятно думать, что на уничтоженном обозе стояла её подпись.

Поддельная.

Но люди здесь пока этого не знали.

— Как вас зовут? — спросила женщина.

— Ивена Ардаль.

Улыбка исчезла.

Совсем ненадолго.

Но Ивена заметила.

Мужчина рядом тоже посмотрел на неё уже иначе.

Фамилию узнали.

— Из Южного дома? — уточнила женщина.

— Да.

Ровен вмешался:

— Нам пора.

Ивена вернулась в карету.

Дверца закрылась.

— Они знают о караване, — сказала она.

— Весь Север знает.

— И знают моё имя.

— Вероятно.

— Значит, в крепости меня встретят с восторгом.

— Скорее с любопытством.

— Это вы так утешаете?

— Я стараюсь.

Ивена посмотрела на удаляющуюся деревню.

— Скажите честно. Люди погибли при нападении?

Ровен ответил не сразу.

— Двое.

Ивена закрыла глаза.

В семейном кабинете речь шла о деньгах, торговых соглашениях и семенах.

Отец ни разу не сказал о погибших.

— Почему этого не было в документах?

— Было.

Она открыла глаза.

— В тех, которые показывали вам.

Понятно.

Орвен решил, что дочь легче отправить на Север, если не сообщать ей всё.

Гнев вернулся, но изменился.

Раньше она злилась за себя.

Теперь — ещё и за этих людей.

— Их семьи?

— Получили выплаты от дома Торвальдов.

— Ардали ничего не платили?

— Пока нет.

Ивена отвернулась к окну.

— Это будет частью долга?

— Думаю, да.

— Я хочу увидеть полный договор.

— У Эйдара.

— До того, как подпишу хоть что-нибудь.

— Разумно.

— Вы удивлены?

— После сегодняшнего — уже нет.

На вторую ночь они остановились в небольшом северном доме для путников.

Комната Ивены оказалась простой, но чистой. Толстые стены сохраняли тепло, на полу лежали тканые дорожки, возле окна стоял деревянный стол.

Она впервые за два дня осталась одна.

Сняла плащ.

Размотала шарф Лисель.

Положила его на край кровати.

Села.

Усталость навалилась сразу.

До этого дорога не оставляла времени осмыслить происходящее. Колёса, остановки, новые места, вопросы Ровену.

Теперь вокруг стало спокойно.

Ивена посмотрела на собственные руки.

Под ногтями темнели следы от мокрой коры после истории с телегой. Перчатки она почему-то сняла, когда помогала разгружать дрова.

Ничего страшного с ней пока не произошло.

Это даже раздражало.

Ожидание неизвестности иногда утомляло сильнее самой беды.

Она встала, достала папку и разложила на столе свои расчёты.

Северный караван.

Семена.

Стекло.

Трубы.

Суммы.

Ивена перечитала всё заново.

Раньше эти числа были долгом Ардалей.

Теперь за ними проступали заброшенные теплицы.

Пустые амбары.

Женщина с телегой.

Двое погибших.

Она взяла чистый лист.

В верхней строке написала:

«Что известно».

Ниже:

«Что уничтожено».

Потом:

«Что осталось».

На четвёртой строке задумалась.

Написала:

«Что можно восстановить до весны».

Ивена положила перо.
Вот теперь стало легче.
Проблема всё ещё была огромной.
Но у неё появилось направление.
За дверью раздался стук.
Ровен.

— Что-то случилось?

— Нет. Через полчаса ужин.

Он заметил бумаги.

— Вы работаете?

— Пытаюсь понять, что меня ждёт.

— Эйдар покажет вам всё завтра.

— Мы приезжаем завтра?

— К вечеру.

— Хорошо.

Ровен уже собирался уйти.

— Господин Ровен.

Он остановился.

— Да?

— Когда лорд Торвальд узнал, что отец отправит меня?

— Несколько дней назад.

— И что сказал?

— Спросил, действительно ли вы управляли южными землями последние семь лет.

Ивена насторожилась.

— Кто ему это сообщил?

— У него есть торговые отчёты.

— В торговых отчётах нет моего имени.

Ровен прислонился плечом к дверному косяку.

— Вы думаете, Север семь лет покупает зерно у дома Ардалей и не знает, кто на самом деле ведёт хозяйство?

— Отец подписывает договоры.

— А цены менялись после ваших записок управляющим.

Ивена почувствовала любопытство.

— Вы видели мои записки?

— Некоторые.

— Как?

— Торговля.

Одно слово, ничего не объясняющее.

Она нахмурилась.

— Значит, лорд Торвальд знал обо мне до каравана.

— Знал, что у Ардалей есть старшая дочь, которая умеет считать лучше большинства их приказчиков.

— Очень лестно.

— С Севером трудно добиться более пышной похвалы.

— А когда отец назвал меня виновной?

Ровен стал серьёзнее.

— Эйдар приказал проверить сведения.

— Проверил?

— Поэтому я приехал лично.

Ивена вспомнила семейный совет.

Ровен задавал мало вопросов.

Но слушал каждое слово.

— Значит, вы уже подозревали, что отец лжёт.

— Я подозревал, что история не складывается.

— И всё равно забрали меня.

— Вы сами сели в карету.

— После того как мне объяснили последствия отказа.

— Верно.

Ивена ждала оправданий.

Ровен не стал оправдываться.

Это неожиданно понравилось.

— Что Эйдар будет делать, когда узнает про Лисель?

— Он уже знает.

Ивена выпрямилась.

— Как?

— Я отправил весть после первой заставы.

— Когда?

— Пока вы ели.

— И что он ответил?

— Ничего.

— Совсем?

— Передал, чтобы мы продолжали путь.

— Значит, он всё равно хочет получить меня.

Ровен посмотрел на разложенные бумаги.

— Похоже на то.

Он ушёл.

Ивена долго смотрела на закрытую дверь.

Странно.

Эйдар Торвальд знал, что она невиновна.

И всё равно ждал её.

Зачем?

На следующий день ответов не прибавилось.

Зато прибавилось снега.

К полудню дорога проходила между белыми склонами. На перевале ветер швырял в карету мелкую ледяную крупу, и кучеру пришлось натянуть поверх шапки плотный капюшон.

Ивена теперь ехала в двух слоях одежды и синем шарфе.

— Здесь всегда так в начале зимы? — спросила она.

— Нет.

— Хуже?

— Обычно снег начинается позже.

— Очень утешительно.

Ровен протянул ей карту.

— Мы здесь.

Ивена наклонилась.

Крепость Торвальдов находилась дальше, чем она представляла, на высоком плато между двумя горными цепями. Ниже шли поселения, дороги, леса и участки, отмеченные зелёными прямоугольниками.

— Это теплицы?

— Бывшие и действующие.

Ивена провела пальцем.

— Их здесь больше тридцати.

— На старых картах — сорок две.

— И работают четыре?

— Да.

— Что произошло?

— Несколько вещей сразу. Старые источники тепла начали слабеть. Стекло стало дороже.

После двух плохих зим часть мастеров уехала. Потом северные дома решили, что дешевле покупать продовольствие на Юге.

— Ошибка.

— Почему?

— Потому что теперь один сгоревший караван превращается в бедствие.

Ровен усмехнулся.

— Скажите это Эйдару.

— Скажу.

— Я уже начинаю ему сочувствовать.

Ивена бросила на него взгляд.

— Поздно. Вы сами меня привезли.

К вечеру показалась крепость.

Ивена сначала решила, что тёмная полоса впереди — гора.

Потом увидела башни.

Торвальд стоял прямо на каменном выступе, закрывая дорогу к северной долине. Высокие стены тянулись вдоль скалы, крыши были покрыты снегом, над центральной башней развевался чёрно-серебряный флаг.

Она ожидала чего-то мрачного.

Вместо этого увидела свет.

Много света.

Фонари горели вдоль дороги, у ворот, на стенах. В нижнем поселении освещались окна мастерских. По улицам двигались люди, несмотря на снег.

Крепость жила.

Ворота открылись ещё до приближения отряда.

Лошади перешли на шаг.

Ивена смотрела по сторонам.

Первый двор занимали склады и мастерские. Мужчины разгружали повозки. Женщины сортировали мешки под навесом. В глубине работала большая кузница, откуда доносился звон металла.

Никаких праздных слуг.

Даже встречающий их человек держал под мышкой связку бумаг.

Карета въехала во второй двор.

Здесь стало спокойнее.

Каменный корпус соединялся с башней крытой галереей. Стены были украшены гербами, но гораздо сдержаннее, чем в доме Ардалей.

Ивена увидела мужчину на ступенях.

Поняла сразу.

Эйдар Торвальд.

Он не был одет для торжественной встречи.

Тёмные брюки, высокие сапоги, простая рубашка под длинным шерстяным камзолом. На широких плечах лежал снег, словно он вышел наружу несколько минут назад и не счёл нужным стряхнуть его.

Высокий.

Темноволосый.

На вид около тридцати пяти.

Лицо спокойное, резкие линии скул, прямой нос, внимательный взгляд. Ивена ожидала увидеть человека, который постарается произвести впечатление силой.

Эйдар просто стоял.

И этого хватало.

Дверца открылась.

Ровен вышел первым.

— Приехали.

Ивена поправила шарф и спустилась.

Сапог коснулся снега.

Эйдар посмотрел на неё.

Не на сундуки.

Не на Ровена.

Сразу на неё.

Ивена почувствовала, что ей хочется расправить плечи.

Сделала это и без желания.

Ровен подошёл к лорду.

— Эйдар.

— Ровен.

Они пожали руки.

— Дорога?

— Перевал ещё открыт. Завтра, возможно, уже нет.

Эйдар кивнул и снова посмотрел на Ивену.

— Леди Ардаль.

Она ждала поклона.

Его не последовало.

Значит, и она обойдётся.

— Лорд Торвальд.

— Вы устали.

— Это вопрос?

На лице Эйдара впервые что-то изменилось.

Не улыбка.

Скорее заинтересованность.

— Наблюдение.

— Тогда верное.

— Хорошо. У вас будет час привести себя в порядок. Потом поговорим.

Ивена нахмурилась.

— Я предпочла бы сначала увидеть договор.

Ровен посмотрел в сторону, скрывая выражение лица.

Эйдар перевёл взгляд на него.

— Она всю дорогу такая?

— Больше половины.

— Ровен.

— Хорошо. Всю.

Ивена скрестила руки.

— Если вы закончили обсуждать меня в моём присутствии...

— Закончили.

Эйдар повернулся к двери.

— Идёмте.

Она ожидала, что он поведёт её в парадный зал.

Вместо этого они прошли в небольшой рабочий кабинет на первом этаже.

Там было тепло.

На стене висела огромная карта Севера, весь стол занимали документы, возле окна стояли сапоги со следами снега, а в углу лежало несколько свёрнутых чертежей.

Эйдар снял камзол и повесил на спинку кресла.

— Садитесь.

Ивена осталась стоять.

— Договор.

Он открыл ящик стола.

— Ровен предупреждал.

— Значит, вы подготовились.

— Я привык готовиться к неприятностям заранее.

— Я неприятность?

— Пока не решил.

Ивена неожиданно почувствовала желание улыбнуться.

Не позволила.

Эйдар достал несколько листов и положил перед ней.

— Читайте.

Она села.

Это уже отличало его от отца.

Орвен объяснил бы содержание своими словами и предложил подписать последнюю страницу.

Ивена читала.

Первый лист определял долг дома Ардалей.

Второй — объём обязательств.

Третий касался её.

Она перечитала дважды.

— Здесь написано, что я нахожусь под защитой вашего дома.

— Да.

— Не в собственности.

Эйдар поднял бровь.

— Вы ожидали увидеть это слово?

— После последних двух дней я уже ничему не удивлюсь.

— Люди не становятся собственностью по торговому договору, леди Ардаль.

— Расскажите это моему отцу.

Эйдар не стал отвечать.

Ивена продолжила читать.

— Жильё за счёт Торвальдов.

— Да.

— Питание.

— Естественно.

— Жалованье?

— Вы будете работать.

— Я погашаю долг.

— Долг вашего дома не отменяет стоимость вашего труда.

Ивена подняла глаза.

Она не нашла ответа.

Эйдар продолжил:

— Часть заработка по вашему желанию может идти в счёт обязательств Ардалей. Остальное принадлежит вам.

— Моему отцу это известно?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не спрашивал о вашем жалованье.

Что-то болезненно кольнуло под рёбрами.

Разумеется, не спрашивал.

Ивена опустила взгляд.

— После погашения долга я могу уехать.

— В тот же день.

— Даже если вы будете против.

— Если долг погашен и вы свободны от обязательств, какое значение имеет моё мнение?

Она посмотрела на него дольше.

Вот этого человека отец называл врагом.

— А если я откажусь работать?

— Тогда дом Ардалей останется должен Северу.

— И?

— Мы потребуем деньги.

— А я?

— Получите возможность уехать.

— Вот так просто?

— Нет.

— Что ещё?

— Дорога через перевал закроется в ближайшие дни. Даже если вы сейчас откажетесь, вам придётся дожидаться безопасного пути обратно.

Ивена задумалась.

— Значит, я не пленница.

— Нет.

— Не заложница?

Эйдар помолчал.

— Политически ваш приезд является гарантией того, что Ардали выполнят соглашение. Но вы имеете собственные права, и они прописаны здесь.

— Отец говорил иначе.

— Ваш отец говорил многое.

Она подняла голову.

— Ровен рассказал вам всё?

— Достаточно.

— Про Лисель?

— Да.

— Вы знаете, что приказ подписала она.

— Теперь знаю.

— И что будете делать?

Эйдар отодвинул кресло и сел напротив.

- Сначала выслушаю вас.
- Зачем?
- Потому что Ровен слышал семейный разговор. Я хочу услышать человека, которого привезли.
- Вы сомневаетесь?
- Я предпочитаю не строить решения на одном источнике.
- Ивена ощутила невольное уважение.
- Сдержала его.
- Лисель использовала мою подпись без разрешения.
- Почему?
- Хотела, чтобы дорожная стража выполнила приказ.
- Почему использовала именно вашу?
- Мои распоряжения выполняли.
- Ваш отец это знал?
- Да.
- С самого начала?
- Да.
- Эйдар откинулся на спинку.
- Несколько мгновений рассматривал договор.
- Ивена ждала осуждения Орвена.
- Он не стал его высказывать.
- Почему вы согласились приехать?
- Мне объяснили, что отказ дома приведёт к немедленному взысканию долга и ограничениям для южной торговли.
- Ровен.
- Да.
- Хорошо.
- Что хорошего?
- Он не солгал вам.
- Ивена почувствовала раздражение.
- У вас очень низкая планка для хороших новостей.
- Здесь зима. Мы бережём оптимизм.
- Она всё-таки улыбнулась.
- На секунду.
- Эйдар это заметил.
- Теперь главный вопрос, — сказал он.
- Ивена напряглась.
- Какой?
- Вы хотите уехать?
- Она ожидала чего угодно.
- Не этого.
- Сейчас?
- Да.
- Перевал скоро закроется.
- Завтра утром можно успеть отправить вас обратно с небольшим отрядом.
- А долг?
- Останется на Ардалях.
- И вы потребуете деньги.
- Да.

— Мой отец потеряет торговлю.
— Вероятно.
— А люди, которые зависят от неё?
— Это уже последствия решения вашего отца.
Ивена смотрела на него.
Всё вдруг оказалось значительно сложнее, чем в родном доме.
Там Орвен сделал выбор за неё.
Здесь враг предлагал сделать выбор самой.
Она могла встать.
Вернуться.
Через несколько дней снова увидеть знакомые башни.
Лисель.
Отца.
Свой кабинет.
Земли, которые семь лет приводила в порядок.
И жить, зная, что однажды Орвен уже оценил её стоимость.
— Нет, — сказала Ивена.
Эйдар не переспросил.
— Почему?
— Потому что возвращаться некуда.
Он чуть нахмурился.
— Дом Ардалей никуда не исчез.
— Дом — это не только стены.
Эйдар помолчал.
— Справедливо.
Ивена положила ладонь на договор.
— Я остаюсь до погашения долга.
— Вы уверены?
— Нет.
— Это плохое начало соглашения.
— Хорошо. Я уверена, что не хочу возвращаться сейчас. Этого достаточно?
— Для начала.
Она просмотрела оставшиеся пункты.
— Здесь нет брачных условий.
— Нет.
— Совсем.
— Я умею читать собственные договоры.
— Мой отец упомянул, что вы не женаты.
Эйдар посмотрел на неё так, что Ивена сама почувствовала неловкость.
— И?
— Ничего.
— Леди Ардаль, я не просил у вашего отца невесту.
— Хорошо.
— И не собираюсь превращать хозяйственный долг в брачный союз.
— Ещё лучше.
— Вы разочарованы?
— До глубины души.
Теперь улыбнулся он.
Улыбка совершенно изменила лицо.

Ивена неожиданно поняла, что Эйдар Торвальд красив.

Это открытие ей не понравилось.

Она сразу вернулась к документам.

— Где подписать?

— Пока нигде.

— Почему?

— Вы получите копию. Прочитаете ещё раз после отдыха. Подпишете утром, если ничего не захотите изменить.

— Я могу изменить договор?

— Можете предложить изменения.

Ивена подняла глаза.

— Вы со всеми должниками так разговариваете?

— Нет.

— Почему со мной?

— Потому что вы не должник. Должник — ваш дом.

Она закрыла папку.

В груди появилось странное чувство, на которое она не сразу нашла название.

Уважение.

Опасное чувство по отношению к врагу.

— Тогда что требуется от меня?

Эйдар встал.

— Сейчас?

— Я проехала два дня, чтобы работать. Хотелось бы узнать, ради чего.

— Ровен ничего не показал по дороге?

— Достаточно.

— Что именно вы увидели?

Ивена перечислила.

— Зброшенные амбары. Необработанные поля. Несколько разрушенных оранжерей. Пустые склады возле границы. Земли, которые могли бы давать больше. Четыре работающие теплицы из сорока двух.

Эйдар остановился.

— Вы считали?

— Ровен дал карту.

— Я дал карту, — поправил Ровен от двери.

Ивена не заметила, когда он вошёл.

— А я посчитала.

Эйдар посмотрел на друга.

— Она действительно всю дорогу такая.

— Я предупреждал.

— Что не так? — спросила Ивена.

— Ничего.

Эйдар взял со стола ключи.

— Хотите увидеть причину, по которой я согласился принять предложение вашего отца?

— Сейчас?

— Вы устали?

Ивена вспомнила его первое наблюдение во дворе.

— Это снова вопрос?

— На этот раз да.

Она поднялась.

— Тогда нет.

Ровен покачал головой.

— Я пойду распоряжусь насчёт комнат.

— Сделай.

Эйдар надел камзол.

— Леди Ардаль?

Ивена последовала за ним.

Они прошли через внутренний двор.

Снег усилился.

Эйдар шагал уверенно, не оглядываясь каждую секунду, справляется ли она с дорожкой.

Ивене это понравилось.

Через арку они вышли за основную стену крепости.

Там начинался склон.

Ниже располагался ещё один комплекс зданий.

Ивена сначала увидела только тёмную крышу.

Потом поняла, что крыши нет.

Перед ней раскинулась огромная оранжерея.

Когда-то она, вероятно, была великолепна.

Каменное основание уходило вдоль склона на десятки метров. Высокие железные рамы образовывали несколько соединённых залов. Часть стекла сохранилась, но большая площадь стояла открытой ветру. Снег лежал прямо внутри. Вдоль стен тянулись каменные каналы, некоторые были разбиты. В центре виднелся высохший бассейн.

Ивена остановилась.

— Вы серьёзно?

— Вполне.

— Это ваша главная теплица?

— Была.

Она спустилась по ступеням.

Снег хрустел под ногами.

Внутри оранжереи ветер ощущался слабее. Несколько оставшихся стёкол дрожали в рамах.

Ивена подошла к ближайшей грядке.

Земля была промёрзшей.

Она присела.

Провела пальцами по поверхности.

Верхний слой оказался твёрдым.

— Сколько она стоит заброшенной?

— Четыре года.

Ивена подняла голову.

— Четыре?

— Да.

— Почему?

— Никто не смог заставить её работать без постоянных убытков.

— А старые записи?

— Сохранились частично.

— Чертежи?

— Большинство.

— Люди, которые здесь работали?

— Некоторые ещё живут в долине.

Ивена уже забывала злиться.
Перед ней стояла проблема.
Большая.
Сложная.
Почти оскорбительная.
И именно поэтому притягательная.
Она прошла вдоль грядок.
Осмотрела каналы.
Наклонилась возле металлической решётки.
— Здесь проходило тепло?
— Да.
— Откуда?
— Из нижних камер.
— Драконье?
— Частично.
Ивена поднялась.
— Частично — это как?
Эйдар подошёл ближе.
— Земля под крепостью сохраняет тепло. Раньше его направляли сюда по каменным каналам. Когда поток ослаб, начали использовать силу драконов.
— Напрямую?
— Да.
Ивена закрыла глаза.
— Кто придумал такую глупость?
Эйдар кашлянул.
Она открыла глаза.
— Вы?
— Нет.
— Тогда можете не обижаться.
— Не собирался.
Она снова посмотрела на грядки.
— Если направлять сильный жар прямо под корни, вы сначала пересушите грунт, потом получите резкий перепад температуры.
— Получили.
— И после этого решили, что виновата земля.
— В основном.
Ивена неожиданно рассмеялась.
Эхо разнеслось под остатками стеклянной крыши.
— Что смешного? — спросил Эйдар.
— Мужчины.
— Очень содержательно.
— Вы можете приручить дракона, построить крепость на горе, удержать перевал в снегу, а потом четыре года смотрите на мёртвую оранжерею и решаете, что земля упрямая.
— Вы предлагаете ей договориться?
Ивена вспомнила разговор с Ровеном.
— Он рассказал?
— У него отвратительная привычка пересказывать мне интересное.
— Тогда да. Предлагаю договориться.
— И что попросит земля взамен?

Ивена снова присела.
Сдвинула снег ладонью.
Под ним обнаружилась тёмная почва.
Она взяла горсть, растёрла между пальцами.
Слишком плотная.
Но не мёртвая.
— Для начала перестать пытаться её сварить.
Эйдар рассмеялся.
Смех оказался глубоким и неожиданно тёплым.
Ивена подняла на него взгляд.

Он стоял в нескольких шагах, снег ложился на тёмные волосы и плечи, а выражение лица впервые перестало быть сдержанно-официальным.

Опасный мужчина.
Очень опасный.
Не потому, что он мог причинить ей вред.

Потому что рядом с ним она впервые за два дня перестала чувствовать себя вещью, которую передали из рук в руки.

Ивена вернулась к земле.
— Что именно вы хотите от меня?
— Понять, можно ли это восстановить.
— Только это?
— Для начала.
— И если я скажу, что нельзя?
— Покажу остальные.
Она оглянулась.
— Остальные такие же?
— Некоторые хуже.
— Вы умеете обнадёживать.
— Это северная черта.

Ивена поднялась и отряхнула перчатки.

— Мне понадобится полный список сохранившихся материалов. Старые чертежи. Расходы за последние пять лет. Сведения о том, что здесь выращивали, и люди, которые работали до закрытия.

— Получите.
— Ещё мне нужно увидеть действующие теплицы.
— Завтра.
— Почему не сейчас?

Эйдар посмотрел на потемневшее небо.

— Потому что через двадцать минут здесь станет совсем темно, а вы провели два дня в дороге.

— Я не устала.
— Вы спорите со мной уже из принципа.

Ивена хотела возразить.

Потом поняла, что он прав.

— Возможно.
— Ужин через час.
— Это приказ?
— Предложение.
— Я подумаю.

Эйдар направился к выходу.

Ивена осталась возле первой грядки.

Она смотрела на разрушенную оранжерею и чувствовала, как внутри просыпается то, чего не было после семейного суда.

Интерес.

Не надежда.

До неё ещё далеко.

Но интерес был началом.

— Леди Ардаль.

Она обернулась.

Эйдар стоял у разбитой стеклянной двери.

— Что?

— Есть ещё одна вещь, которую вам стоит знать.

— Какая?

Он вернулся на несколько шагов.

— Ваш отец написал мне отдельное письмо.

Холод вокруг перестал иметь значение.

— Когда?

— До вашего отъезда.

— Что в нём?

— Он объяснил, почему предлагает именно вас.

Ивена выпрямилась.

— Он сказал, что я подписала приказ?

— Это было в официальных бумагах. В личном письме речь шла о другом.

— О чём?

Эйдар посмотрел на разрушенные грядки.

— Он предупреждал, что не стоит ждать от вас многого. Что вы умеете вести счета и исполнять чужие распоряжения, но для серьёзной работы вам не хватает решительности и таланта.

Ивена почувствовала, как пальцы сжимаются внутри перчаток.

Вот, значит, как отец завершил сделку.

Не просто отдал дочь.

Ещё и заранее объяснил новому хозяину, почему она стоит немного.

— Понятно.

— Нет, — сказал Эйдар. — Мне кажется, как раз сейчас вам должно стать непонятно.

Она подняла на него глаза.

— Что именно?

— Почему после такого письма я согласился принять вас.

Ивена смотрела на него, ожидая продолжения.

Эйдар приблизился к грядке, возле которой она стояла.

— Торговые отчёты дома Ардалей доступны не только вашему отцу. Семь лет назад ваши южные поля давали посредственный урожай. Шесть лет назад показатели начали расти. Через три года Ардали стали продавать излишки соседям. В прошлом году ваши земли дали лучший результат за двенадцать лет.

Ивена ничего не сказала.

Эйдар продолжил:

— Примерно в то же время в документах всё чаще появляется одно и то же имя под рабочими распоряжениями.

Она почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Моё.

— Ваше.

— Вы изучали наши хозяйственные бумаги?

— Я изучаю людей, от которых зависит мой Север.

Ивена опустила взгляд на тёмную землю под снегом.

Отец годами принимал её работу как должное.

Чужой человек на другом конце страны увидел результат по цифрам.

— Ваш отец утверждает, что вы ни на что серьёзное не способны, — произнёс Эйдар.

Ивена медленно провела ладонью по промёрзшей грядке, ощущая под перчаткой неровности земли.

— Тогда зачем я вам?

Эйдар ответил без колебаний:

— Потому что до того, как ваш отец начал называть вас бесполезной, именно ваши участки давали половину урожая Ардалей.

Глава 3. Земля, которая никому не нужна

Слова Эйдара остались между ними над промёрзшей грядкой: именно её участки давали половину урожая Ардалей. Ивена ещё чувствовала под ладонью неровную, схваченную холодом землю и никак не могла решить, что тревожит сильнее — то, что чужой северный лорд изучил её работу внимательнее собственного отца, или то, что он, похоже, привёз её сюда вовсе не ради формального исполнения договора.

Она выпрямилась и отряхнула с перчатки крупинки почвы.

— Половину — преувеличение.

— Я знаю.

Ответ прозвучал без малейшего смущения.

Ивена посмотрела на Эйдара.

— Тогда зачем сказали?

— Хотел проверить, станете ли вы присваивать себе чужие заслуги.

— И?

— Не стали.

— У вас интересные способы знакомиться с людьми.

— У меня мало времени на долгие знакомства.

В разбитой раме над их головами посвистывал ветер. Он просачивался через щели, шевелил выбившуюся прядь у щеки Ивены и гонял по каменному полу сухой снег. Там, где раньше тянулись ровные дорожки между грядками, лежали осколки стекла, куски старой древесины и ржавые крепления.

Ивена снова посмотрела на оранжерею.

— Половину урожая я не выращивала.

— Я уже понял.

— Последние годы я отвечала за западные поля, часть садов и три деревни. Если сложить их показатели с остальными владениями, получится значительно меньше половины.

— Но именно после того, как эти земли перешли под ваше управление, они перестали приносить убытки.

— Потому что до меня ими управляли отвратительно.

— Это тоже объяснение.

— Правдивое.

Эйдар склонил голову.

— Тогда мне повезло ещё больше.

Ивена почувствовала, как уголки губ сами хотят приподняться, и отвернулась к длинному ряду занесённых снегом грядок.

— Пока рано радоваться. Я ещё не сказала, что эту оранжерею можно восстановить.

— Но вы уже решили попробовать.

Она подняла брови.

— Откуда такая уверенность?

— Вы стоите здесь четверть часа и за это время спросили про старые чертежи, систему о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.